

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.18>

UDC 94“04/14”:929.651
LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 15.06.2022
Accepted: 19.09.2022

NEW INSCRIPTIONS ON *INSTRUMENTA* FROM THE NORTHERN PERIPHERY OF THE BYZANTINE WORLD¹

Andrey Yu. Vinogradov

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Byzantine inscriptions on *instrumenta*, i.e. portable objects (ceramics, tools, objects of personal piety, etc.), usually attract little attention by researchers. Meanwhile, such inscriptions make it easier to look into the world of an ordinary Byzantine. *Analysis.* The author publishes (in two cases – anew) seven non-standard inscriptions of this type, found recently or previously unpublished. These are the inscriptions on the phylactery, encolpion, amphorae, jug, and bowl. They have a different character: an apotropaic text, a business letter, a humorous poem, an owner’s inscription. *Results.* These seven monuments open a window to the world of medieval Rhomaios: the fear of the evil eye and the protective prayers, written from hearing; the cheerful world of wine and wine drinking during the voyage and on a bet; jokes about a broken cup, often expressed in verses, that the Byzantines used for any purpose, including the owner’s inscriptions; the world of merchants, who send their goods overseas, take care of its safety and the well-being of sailors. These inscriptions are distinguished by the peculiarities of spelling and style, which make it possible to better imagine the ordinary Byzantine environment. The travelling of the inscriptions on *instrumenta*, including pilgrims’ inscriptions, reflect, among other things, the ways of spreading Greek writing.

Key words: Byzantine epigraphy, *inscriptions on instrumenta*, objects of personal piety, ceramics, everyday life, pilgrimage.

Citation. Vinogradov A. Yu. New Inscriptions on *Instrumenta* from the Northern Periphery of the Byzantine World. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 284-297. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.18>

УДК 94“04/14”:929.651
ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 15.06.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЕЩЕВОЙ ЭПИГРАФИКИ С СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА¹

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Византийская вещевая эпиграфика, то есть надписи на портативных объектах (посуде, орудиях труда, предметах личного благочестия и т. п.), обычно остается вне внимания исследователей. Между тем подобные надписи позволяют легче заглянуть в мир рядового византийца. В настоящей статье издается (в двух случаях – заново) несколько нестандартных памятников такого типа, найденных в последнее время или прежде не публиковавшихся. Это надписи на филактерии, энколпионе, амфорах, кувшине, миске. Они имеют разный характер: апотропеический текст, деловое письмо, шутливое стихотворение, владельческая надпись. Их отличают особенности орфографии и стиля, позволяющие лучше представить себе рядовую византийскую среду. Перемещения памятников вещевой эпиграфики, в том числе паломнических, отражают, среди прочего, пути распространения греческой письменности.

Ключевые слова: византийская эпиграфика, вещевая эпиграфика, предметы личного благочестия, керамика, повседневная жизнь, паломничество.

Цитирование. Виноградов А. Ю. Новые памятники вещевой эпиграфики с северной периферии византийского мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 284–297. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.18>

Введение. Византийская вещевая эпиграфика, то есть надписи на портативных объектах (посуде, орудиях труда, предметах личного благочестия и т. п.), обычно остается бедной родственницей эпиграфики лапидарной. Причин этому несколько: меньший объем и содержательность надписей на вещах, меньшая связь с местом находки и больший отрыв от контекста создания. Как результат, памятники вещевой эпиграфики реже издаются (а зачастую не издаются археологами вообще или издаются без прочтения), почти не включаются / объединяются в сводные работы, особенно в Северном Причерноморье (редкие исключения – [4] и [1]) и тем более корпусы и, соответственно, редко попадают в базы данных.

Методы. Между тем это пренебрежение вещевой эпиграфикой далеко не всегда оправдано. Отрыв от контекста создания здесь, во-первых, не абсолютен (для многих вещей устанавливается место производства), а во-вторых, не фатален: где использовался объект с такой надписью порой важнее того, где он был создан. Меньший (хотя и не обязательно) объем текста далеко не всегда делает такие надписи менее информативными в сравнении с лапидарными, где часто повторяются стандартные формулы. Наконец, подобные надписи имеют свою специфику, позволяющую легче заглянуть в мир рядового византийца, увидеть его надежды и страхи, склонности и пристрастия, радости и горести, смех и слезы.

Анализ. В настоящей статье будет издано (в двух случаях – заново) несколько нестандартных памятников такого типа, найденных в последнее время или прежде не публиковавшихся.

Бронзовый филиakterий из Херсонеса. В Государственном историческом музее в Москве хранится бронзовый медальон (инв. № 25740, оп. Б 113/41), найденный в 1899 г. в Херсонесе при раскопках К.К. Косцюшко-Валюжинича (точное место находки неизвестно). Высота медальона – 3,9 см, ширина – 2,7 см; повреждены верхний, правый и нижний края (рис. 1). Обратная сторона совершенно гладкая, а на лицевой имеется четырехстрочная надпись, вырезанная между линеек, за которой следуют пентаграмма и еще один или два несохранившихся знака.

Πρόσζω-
ος ὀφ(θ)αλμ-
οῦ Ἀναστα-
σίου {Γ} σου.

«Оживи (?) от сглаза Анастасия твоего».

Сочетание альф с наклонной и ломаной перекладинами и W-образная омега с невысокой серединой говорят в пользу ранневизантийской датировки медальона². Пентаграмма указывает на магический характер предмета, который был, по всей видимости, нашейной подвеской. На то же указывает и текст надписи.

Однако ее точное понимание вызывает затруднения, несмотря на то что все буквы в ней ясно читаются. Сразу бросается в глаза пропуск буквы в слове ὀφθαλμοῦ и перестановка буквы в имени Ἀναστασίου. Вместе с уникальным словом πρόσζωος все это создает впечатление сознательного искажения текста. Такой феномен связан с боязнью, что недоброжелатели могут, прочтя, преодолеть силу филиakterия, и известен по магическим надписям: в Северном Причерноморье пример этого дает надпись IOSPE³ V 343 с Таманского полуострова, где вместо φθόνον («зависть») написано πθόνον, а вместо ψόφου («пустого звука») – ψόφης. В нашем случае подобному искажению подверглось в том числе слово ὀφθαλμοῦ, которое в магическом контексте должно означать «дурной глаз, сглаз».

В таком контексте загадочное πρόσζωος должно быть специальным словообразованием, обозначающим то, что избавляет от сглаза. Уточнение σου («твоего»), обращенное, очевидно, к Богу или святому, вроде бы указывает на то, что это должен быть глагол: возможна сознательная перестановка букв в императиве πρόσζωσο(ν), однако глагол πρόσζωω («оживлять») нигде более не зафиксирован. Поэтому вероятней, что это прилагательное, которое, судя по своим составным частям (πρός «к» + ζώος «живой»), должно означать «оживляющий», – тогда оно использовано здесь в предикативном значении («будь оживляющим, оживи»). В любом случае заказчик амулета обращается к своему небесному покровителю с просьбой оживить его от некоего страдания или болезни, которые он приписывал сглазу.

Энколпион из Воронежской области. Серебряный двустворчатый крест-энколпион

был найден кладоискателями в Воронежской области³ и сейчас хранится в частной коллекции. Высота – 7,5 см, ширина – 5,5 см (рис. 2). Обе стороны энколпиона заняты надписями, расположенными необычным образом: в виде креста, каждый рукав-сегмент которого состоит из двух строчек надписи, разделенных обведенных на лицевой стороне сплошной линией (так что образуется крест), а на оборотной – пунктирной. Текст читается целиком.

recto:
 Ἅγιος
 ὁ θεός,
 ἅγιος
 εἰσχυρός,
 ἅγιος
 ἀθάνατος),
 ἡλέει-
 σον ἡμᾶς.
 verso:
 Ἅγιος,
 ἅγιος
 κ(ύριος) ὁ θε(ος)
 Σαβαώθ,
 πλήρις ὁ
 οὐρανός
 κα(ι) ἡ γῆ
 τῆς δόξ(ης).

«Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас.

Свят, свят Господь Бог Саваоф, полны небо и земля славы».

Оба текста имеют апотропеический характер (во втором из-за недостатка места не дописано σου («Твоей»)) и вполне типичны для филактериев. Прогнутая спинка ро, формы мю и кси и элементы bouletée однозначно указывают на время после IX в., но альфа с ломаной перекладной и прямоугольная сигма не позволяют датировать надпись временем позднее X века. Надпись переполнена итацизмами и смешением омикрона и омеги (так, артикль ὁ постоянно пишется через омегу). По-видимому, именно отступлениями от орфографической нормы, а не ранневизантийским произношением следует объяснять форму ἡλέεισον вместо ἐλέησον. Однако это может быть и особенностью произношения, как и в обращаемом на себя внимание написании εἰσχυρός вместо ἰσχυρός: такой переход действительно зафиксирован в византийское

время (ср. σκάρα < ἐσχάρα) [5, p. 186]. Как кажется, это важный аргумент против возможного предположения о поддельном происхождении энколпиона.

Амфора из Херсонеса. Состоящая из двух фрагментов стенка точно не датируемой византийской амфоры была найдена в Херсонесе Н.В. Пятышевой в 1969 г., вероятно, при раскопках водохранилища и хранится в ГИМ⁴ (рис. 3). Почти всю поверхность занимает чуть подстертая надпись углем, у которой обломаны левый верхний угол и низ. Читается следующий текст:

+ Ἐπελυθη[ό (?)
 ναῦς
 Δαμιανοῦ.
 Ἄζε πρ(ὸς)
 πολύ [..]
 δε..
 δε
 «Отправлен корабль Дамиана. Суши сильно...»

Надпись выполнена наклонным минускулом и датируется средневизантийским периодом: обращают на себя внимание формы дельты, близкой альфе, и конечной сигмы, похожей на гамму. В отличие от большинства надписей на сосудах, имеющих владельческий или благопожелательный характер, данный текст представляет собой скорее деловую записку. Тот факт, что надпись точно вписывается в ширину сохранившегося фрагмента стенки амфоры, говорит в пользу того, что перед нами письмо на черепке, хорошо известное в античности и реже встречающееся в Византии VII–XV вв., судя по небольшому числу опубликованных остраконов.

Письмо сообщает об отплытии корабля некоего Дамиана: он мог отплыть как из Херсона, так и, скорее, в Херсон, куда и было доставлено послание вместе с грузом товара. Этот товар, очевидно, нуждался в сушке во время или после плавания, на что автор послания и указывает своему корреспонденту. Таким образом, перед нами оказывается редкий образец византийского делового письма, связанного с торговлей и выполненного, к тому же, на черепке.

Амфора из Чернигова. В 2016 г. С.В. Подлевский обнаружил в фондах Черниговского областного исторического музея им. В.В. Тар-

новского византийскую амфору для вина, которая может быть датирована первой половиной XII в.⁵ (рис. 4). На боку амфоры идет однострочная греческая надпись:

Τὼ δὴ τὸ πλωῦν.
«Это для плавания».

Однострочная надпись процарапана на тулове готовой амфоры и выполнена смесью унциала и минускула, с надстрочными гласными окончаний и должна датироваться примерно тем же временем, что и сама амфора. Обращает на себя внимание последовательная замена омикронов омегами, даже в дифтонге ου.

Формально текст надписи можно было бы считать благопожелательным (ср. выше), однако отсутствие какого-либо элемента священного (типа изображения или имени Христа или святого) заставляет искать другие объяснения. Судя по тому, что амфора была предназначена для перевозки вина, надпись должна относиться к ее содержимому. В таком случае перед нами, скорее всего, указание на то, что вино в данной амфоре было предназначено не для продажи, а для потребления корабельщиками во время плавания. Вместе с другими амфорами эта также попала на Русь.

Кувшин из Таматархи. В 2009 г. на Таманском городище (раскоп «Перемычка» К-Л-22-23) в слое развала керамики второй половины IX – начала X в. был найден фрагмент (длина – 6,8 см, диаметр – 3,2 см) ручки высокогорлого кувшина с плоскими ручками [2] (рис. 5). На ней процарапано трехстрочное граффито (в конце стоят орнаментальные разводы, похожие на три копы).

[...] τοὺς (resp. [...] τοὺς) γ', ἄ-
τονήσα-
ς.
«... три, обессилен».

Шрифт надписи вполне совпадает с датировкой кувшина, хотя и лишен каких-либо ярко выраженных особенностей. Судя по тому, что перед нами конец надписи, гамма в первой строке скорее всего представляет собой цифру 3 (титло над ней может быть обломано). Учитывая следующее за ней причастие ἄτονήσας «обессиленный», надо предпола-

гать, что имелись в виду три неких объекта, лишивших героя сил. По своей количественной структуре слово ἄτονήσας хорошо подходит для окончания стихотворной строки: гекзаметрической или, что вероятней для данного периода, додекасиллабической. Перед нами, скорее всего, окончание стихотворения – учитывая первоначальный размер носителя (ручка кувшина), вряд ли оно состояло более чем из двух строк.

Сам же характер носителя и указание меры в три единицы связывает содержание стихотворения с кувшином или его содержимым. Глагол ἄτονέω однако вполне мог использоваться и в шутовском контексте (см. подробнее: [2]). И в нашей надписи на ручке кувшина, вероятно, винного, следует видеть шутовскую эпиграмму на распитие вина и его меры: [Ἦδη ἔτινον (resp. ἔτινες) τοῦ] τοὺς τρεῖς ἄτονήσας «[Уже я (или: ты) выпил] три таких, лишившись сил». Остроумная эпиграмма, нанесенная на кувшин местным мастером, могла быть направлена против неумеренного винопития, которое греки традиционно приписывали варварам, присутствовавшим среди населения Таматархи IX–XI веков.

Чаша из Фанагории. Недавно на «Нижнем городе» Фанагории (квадрат Д5, объект 10, штык 13) были найдены два фрагмента желтой поливной верхней чаши сосуда для подогрева, вероятно, первой половины IX в. [3] (рис. 6). По сырой глине, еще перед нанесением поливы, была нанесена надпись, текст которой реконструируется лишь фрагментарно.

Φῆλε καλέ, κα[λῆ]ν μιδὲν φεῖ[σας πέλλαν e.g.,
εὐφρα]ντοῦ e.g. κ. ἐ[ρ]δεσα βου[λομένως ἄλλην
e.g.

«Друг милый, милый кубок (?) кто не пощадил, приятного (?) добыл охотно я другой (?)».

Шрифт надписи унциальный: альфа с наклонной перекладиной, бета с нижним штрихом. По палеографии она вполне вписывается в первую половину IX века⁶. Перед ню в начале второй строки имеется промежуток, допускающий восстановление здесь только альфы. Объединение фрагментов, конечно, гипотетично, однако в его пользу говорит характер надписи.

Вокативы φῆλε («друг») и καλέ («прекрасный, милый») указывают на текст либо сак-

ральный (обращение к святому), более обычный для поливной посуды, либо любовный. В пользу последнего вроде бы говорит выражение μηδὲν φεί... («нисколько не щад...»). Однако обращение φίλε καλέ («мил друг») имело в IX в. вполне обиходный характер, как можно судить, например, по письмам преподобного Феодора Студита (Письма 95, 98, 101, 260, 299, 467, 479; отметим также вернакулярную форму κέρδεσα). Поэтому перед нами, по всей видимости, остатки короткого шутиwego стихотворения из двух додекасиллабических (?) строк, посвященного самой чаше: в первой было обращение к другу, не пощадившему (разбившему?) красивую чашу, а во второй – описание ответного действия героя, добывшего себе, вероятно, новую.

Миска из Херсонеса. В 1932 г. Г.Д. Беловым в Херсонесе (Северный район, помещение V, цистерна, засыпь) было найдено дно белоглиняной миски второй половины XII – начала XIII в. с зеленой поливой (Glazed White Ware IV по Дж. Хейсу⁷), которая сейчас выставлена в экспозиции музея-заповедника «Херсонес Таврический» (рис. 7). Внутри поддона, где нет поливы, по кругу идет надпись:

Ἱερὲ(ως), τοῦ καὶ ἑλονοαζομένου Μ(ι)χαήλ.
«Священника, что также называем Михаилом».

Надпись нанесена после обжига и выполнена смесью унциала и минускула с использованием лигатур, надстрочных букв, сокращений и нерегулярной диакритики. По палеографии она совпадает с датой производства миски.

Надпись явно имеет владельческий характер, однако формула ее необычна. Во-первых, непонятно, почему владелец-священник так вычурно вводит свое имя. Во-вторых, неясно, почему его «также» зовут Михаилом, хотя первого имени не указано. Единственным объяснением для столь нестандартной владельческой надписи может быть не совсем удачная попытка составить пятнадцатисложник («политический стих»), где начальное сочетание гласных *ie*, в согласии с реальным произношением (*je*), воспринималось как один слог. Надпись становилась видна, только когда пустую миску брали в

руки и можно было оценить литературный вкус ее владельца.

Результаты. Итак, всего лишь семь памятников вещевой эпиграфики с северной периферии византийского мира открывают нам окно в мир средневекового ромея. Мы видим в них, с одной стороны, страх перед сглазом и запись защитительных молитв, причем со слуха. С другой – перед нами предстает веселый мир вина и винопития: пили во время плавания и на спор, кто больше выпьет. Шутки затрагивали и тему самих носителей надписи: друга, не пощадившего чашу, и героя, добывшего себе новую. Шутки часто находили себе выражение в стихах, которые византийцы использовали для любых целей, включая даже владельческие надписи. Наконец, перед нами открывается и мир деловых людей – купцов, которые, отправляя свой товар за море, заботятся и о его сохранности и о благополучии корабельщиков.

Как было указано выше, специфика памятников вещевой эпиграфики заключается в путешествии вещей и надписей на них. Эта тема путешествий в лапидарной эпиграфике Византии ассоциируется обычно с паломниками и их надписями. Впрочем, не чужда паломничеству и вещевая эпиграфика (паломнические евлогии, предметы личного благочестия и т. п.), однако здесь путешествует большинство надписей, хотя бы вместе со своим владельцем. Путешествуют они порой и далеко, например, из Византии на Русь: показательно, что амфора, предназначенная для использования во время плавания, добралась до Черниговской земли и была, очевидно, вторично использована. Путешествие надписей продолжается и у объектов, надписанных позже времени своего создания: в таком случае надписи заставляют вещи говорить. Наконец, памятники вещевой эпиграфики становятся орудием распространения греческой письменности за пределы грекоговорящего мира, даже если мы и не знаем, в какой мере эти надписи там понимались.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю Л.А. Голофаст, Д.В. Журавлева, С.В. Подлевского, А.С. Преображенского, В.Н. Чхидзе, Т.Ю. Яшаеву за помощь в подготовке работы.

ACKNOWLEDGMENTS

I thank V.N. Chkhaidze, L.A. Golofast, S.V. Podlevsky, A.S. Preobrazhensky, T.Y. Yashaeva, D.V. Zhuravlev for their help in preparing this article.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и АНФ в рамках научного проекта № 21-59-14005 «Хожения и эпитафия: паломнические надписи, географическая мобильность и благочестие между Византией и Русью (V–XV века)».

This study was carried out within the framework of the research project “Epigraphies of Pious Travel: Pilgrims’ Inscriptions, Movement, and Devotion between Byzantium and Rus’ in the 5th – 15th Centuries

C.E.” funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR no. 21-59-14005 АНФ_а).

² См.: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/introduction-ru.html#IV-2->.

³ Согласно данным находчика (<https://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=2753231&hl=>).

⁴ Сведения предоставлены хранителем ГИМ Д.В. Журавлевым. Инв. номер отсутствует.

⁵ Благодарю за определение В.Н. Чхаидзе.

⁶ См.: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/introduction-ru.html#IV-2-B->.

⁷ Благодарю за определение Л.А. Голофаст.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

IOSPE³ – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, edition tertia (<https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html>).

Рис. 1. Медальон-филактерий из Херсонеса (Государственный исторический музей)

Fig. 1. Phylactery medallion from Chersonesos (State Historical Museum)

Рис. 2. Энколпион из Воронежской области (Москва, частная коллекция)

Fig. 2. Encolpion from Voronezh Region (Moscow, private collection)

Рис. 3. Стенка амфоры из Херсонеса (Государственный исторический музей)

Fig. 3. Amphora from Chersonesos (State Historical Museum)

Рис. 4. Стенка амфоры (Черниговский областной исторический музей имени В.В. Тарновского)
Fig. 4. Amphora (Chernihiv Regional Historical Museum)

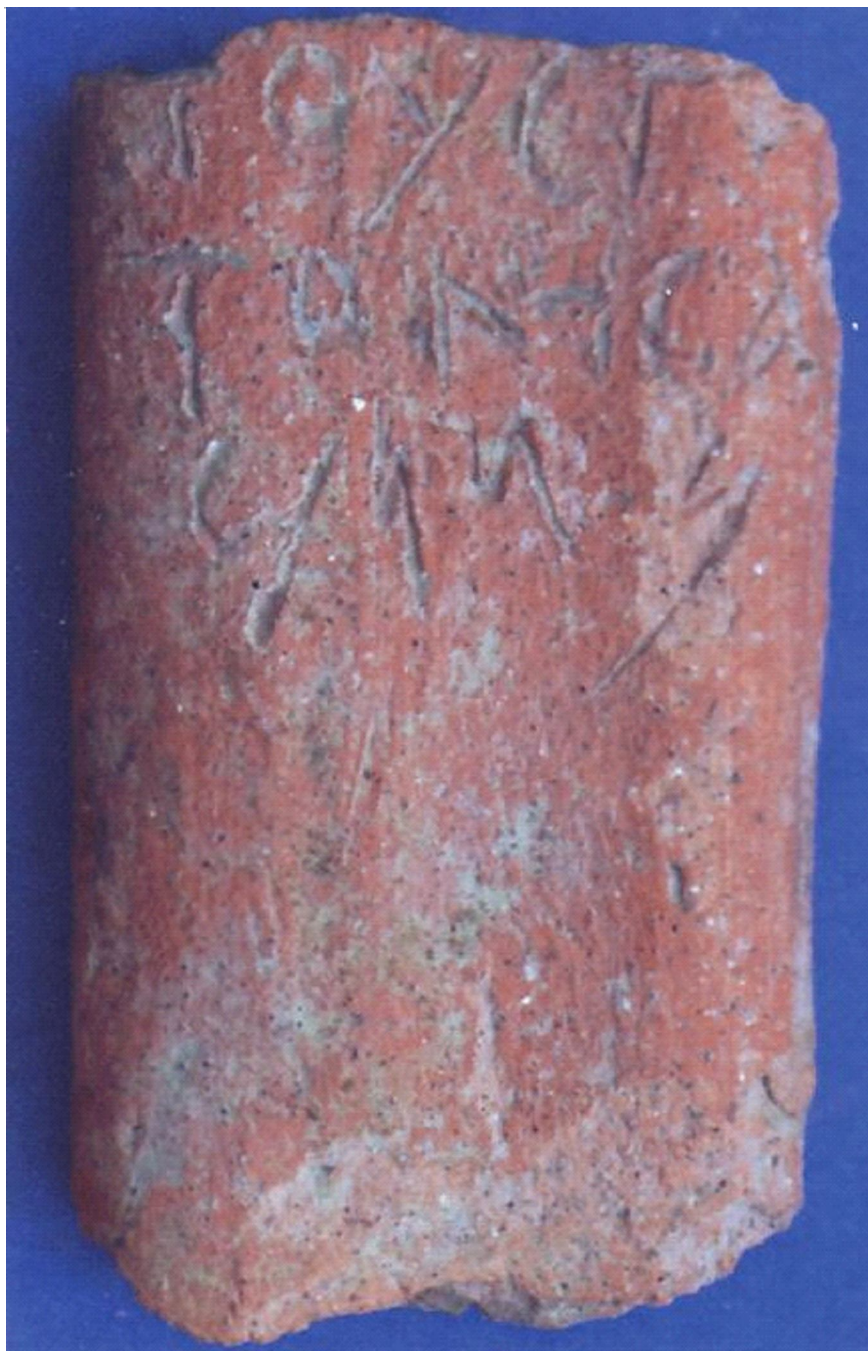

Рис. 5. Ручка высокогорлого кувшина с Таманского городища (Таманский археологический музей)
Fig. 5. Handle of a jug from the Taman settlement (Taman Archaeological Museum)

Рис. 6. Фрагменты поливной верхней чаши сосуда для подогрева из Фанагории
(Государственный музей-заповедник Фанагория)

Fig. 6. Fragments of the upper bowl of a heating vessel from Phanagoria (State Museum-Reserve Phanagoria)

Рис. 7. Дно белоглиняной поливной миски из Херсонеса (Музей-заповедник «Херсонес Таврический»)
Fig. 7. The bottom of a white clay glazed bowl from Chersonesos (Museum-Reserve “TauricChersonesos”)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття) : збірка наукових праць. – Київ : СПД ФОП Чальцев, 2012. – 216 с.
2. Виноградов, А. Ю. «Шутливая» греческая надпись из византийской Матархи / А. Ю. Виноградов, В. Н. Чхаидзе // Историко-археологический альманах. – 2015. – Т. 13. – С. 120–122.
3. Голофаст, Л. А. Поливная керамика из слоев хазарского времени в Фанагории / Л. А. Голофаст // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 4 (58). – С. 195–206.
4. Романчук, А. И. Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса / А. И. Романчук, Э. И. Соломоник // Византийский временник. – 1987. – Т. 48. – С. 95–100.
5. The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek / ed. by D. Holton [et al.]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 2094 p.

REFERENCES

1. 1000 rokiv vizantiiskoi torgivli (V–XV stolittia): zbirka naukovykh prats [1000 Years

of Byzantine Trade (5th – 15th Centuries). Collection of Scientific Works]. Kyiv, SPD FOP Chaltsev, 2012. 216 p.

2. Vinogradov A.Yu., Chkhaidze V.N. «Shutlivaya» grecheskaya nadpis iz vizantiyskoy Matarkhi [A “Jocular” Greek Inscription from the Byzantine Matarcha]. *Istoriko-arkheologicheskiiy almanakh* [Historical and Archaeological Almanac], 2015, vol. 13, pp. 120-122.

3. Golofast L.A. Polivnaya keramika iz sloev khazarskogo vremeni v Fanagorii [Glazed Ceramics from Layers of Khazar Period in Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2017, no. 4 (58), pp. 195-206.

4. Romanchuk A.I., Solomonik E.I. Neskolko nadpisey na srednevekovoy keramike Khersonesa [Some Inscriptions on Medieval Ceramics from Chersonesos]. *Vizantiiskiiy vremennik* [Byzantina Chronika], 1987, vol. 48, pp. 95-100.

5. Holton D., Horrocks G., Janssen M., Lendari T., Manolessou I., Toufexis N., eds. *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 2094 p.

Information About the Author

Andrey Yu. Vinogradov, Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philology), Professor, Leading Researcher, HSE University, Staraya Basmannaya St, 21/4, Bld. 3, 105066 Moscow, Russian Federation, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3, 105066 г. Москва, Российская Федерация, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>